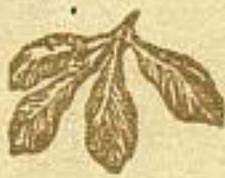

Д. Курбисев.

ЖИДКОЕ
СОЛНЦЕ.

Московское книгоиздательство.

«СОЛОМОНОВЪ»

Дорогіе друзъя!

Представляемъ вамъ разсказъ Александра Ивановича Куприна «Негласная ревизія». Въ немъ авторъ разсказываетъ о томъ, какъ одинъ изъ провинціальныхъ чиновниковъ смогъ избѣжать провѣрки столичнымъ инспекторомъ своей, возможно противозаконной, дѣятельности.

Въ нашемъ изданіи приводится текстъ произведенія въ авторской орѳографії, безъ какихъ-либо измѣненій и правокъ, полностью идентичный изданію разсказа отъ 1916 года ¹.

Пріятнаго вамъ прочтенія, друзья!

---

¹ Купринъ, А.И. Негласная ревизія / Жидкое солнце и другіе рассказы / А. Купринъ. – Москва: Моск. кн-во, 1916. Экземпляръ РНБ (34.105.5.49): утраченъ

А. КУПРИНЪ.

ЖИДКОЕ СОЛНЦЕ

и другіе разсказы.

«МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО»
Типографія «ЗЕМЛЯ», Москва,
1-я Мѣщанская, д. 5.

1916.

НЕГЛАСНАЯ РЕВИЗІЯ.

Иванъ Петровичъ быль еще сравнительно молодъ, но уже въ достаточной степени строгъ и справедливъ. Всегда безукоризненно и солидно одѣтый, съ серьезнымъ лицомъ, украшеннымъ модною бородкой-клинушкомъ, съ безстрастнымъ взглядомъ холодныхъ глазъ, съ почтительной, хотя и твердой рѣчью — онъ быль гордостью начальства, надеждою всего департамента.

Этому многообѣщающему молодому человѣку недоставало только эффектнаго случая, чтобы окончательно завоевать будущее, но такъ какъ онъ находился подъ особыеннымъ покровительствомъ судьбы, то и случай не замедлилъ представиться. Его превосходительство пришелъ однажды въ департаментъ мрачнѣе тучи и быстрыми шагами прослѣдовалъ въ кабинетъ, таинственно кивнувъ по дорогѣ головою Ивану Петровичу.

Иванъ Петровичъ вошелъ твердой поступью, съ пріятнымъ и открытымъ видомъ, исполненнымъ немедленной готовности. Начальство обвило его рукою за талію и полу-дружески, полу-покровительственно увлекло въ амбразуру окна. Здѣсь оно съ разстановкой надѣло пенснѣ, приподняло кверху брови, сдѣлало нижней губой значительную мину и взяло двумя пальцами пуговицу сюртука своего подчиненнаго. Всѣ эти признаки, ничего не значащіе въ глазахъ непосвященнаго, предвѣщали, однако же, что разговоръ приметь нѣсколько таинственный характеръ.

—...Мм... Видите ли, голубчикъ, — произнесъ генераль внушительнымъ тономъ: — вамъ предстоить очень серьезное порученіе... Пусть оно будетъ вашимъ, такъ сказать, э... какъ это называется?.. Ну, подводнымъ камнемъ, что ли?

Иванъ Петровичъ понялъ настоящую мысль своего начальника и молча поклонился.

— Получиль я на-дняхъ анонимное письмо. Извольте взглянуть... Раскрываютъ злоупотребленія... Вы понимаете, каково наше положеніе? Съ одной стороны, нельзя безъ вниманія оставить, но вѣдь и гласности предать невозможно. А? Напишешь, да потомъ и самъ не радъ будешь, какъ всякая гадость на свѣтъ Божій полѣзеть. Вы понимаете, въ этомъ дѣлѣ такъ, съ бухты-барахты нельзя вѣдь; нужно умѣть... э... какъ это называется?..

— Лавировать, ваше-ство?

— Именно, именно... Вотъ вы и поѣзжайте... Не то, чтобы официалъно, а, такъ сказать, негласнымъ образомъ... Ну, да вы сами знаете, какъ тамъ... Письмецо это съ собой захватите на всякий случай!.. Въ немъ довольно обстоятельно все изложено...

Иванъ Петровичъ поѣхалъ. Путешествіе было продолжительное, и онъ имѣлъ довольно времени, чтобы обдумать планъ предстоящихъ дѣйствій. Въ душѣ онъ очень одобрялъ начальство за то, что оно именно ему, а не кому другому, поручило это щекотливое дѣло. Это не докладную какую-нибудь составить: приходится лавировать между оглаской и правосудіемъ. Иванъ Петровичъ въ подобныхъ случаяхъ незамѣнимъ (по правдѣ сказать, это былъ первый случай въ его жизни, потому что онъ очень недавно вышелъ изъ одного привилегированнаго заведенія). Онъ наблюдателенъ и неподкупенъ. Въ сущности, вѣдь, каждого человѣка подкупить легко: иного разжалобишь тѣмъ, что прикинешься дурачкомъ, другого смягчишь обѣдомъ и партіей винта, третьяго собьешь съ толку апломбомъ. Иванъ Петровичъ неподкупенъ. Онъ сдержанъ, сухъ, отлично знаетъ человѣческую натуру, и его провести не такъ-то легко. Ему, конечно, нѣтъ никакого дѣла до

этого Персюкова, который не показывалъ къ зачету какія-то тамъ переходящія суммы; главное — возстановить нарушенную идею справедливости и порядокъ.

Правда, въ предстоящемъ дѣлѣ придется проверять какія-то книги и суммы. Это тоже непріятная сторона порученія. Иванъ Петровичъ слышалъ, что есть на свѣтѣ двойная и итальянская бухгалтерія, слышалъ также, что слово «транспортъ» пишется внизу страницы и подчеркивается толстой чертой, но дальнѣе его свѣдѣнія по этой части не простирались. И развѣ это такъ уже важно? Вовсе нѣтъ. Нужно только сумѣть сразу взять этого таинственного незнакомца, Персюкова, въ руки, ошеломить его сухостью, величественнымъ безпристрастіемъ, и онъ самъ покажетъ, чтѣ нужно. Что ни говорите, а знаніе людей — громадное преимущество въ рукахъ того, кто имъ умѣеть пользоваться.

Такимъ образомъ первыя сутки дороги Иванъ Петровичъ былъ только справедливъ, но на вторыя, благодаря тряскѣ и утомленію, онъ сталъ и озлобленъ. Неизвѣстный Персюковъ сдѣлался его личнымъ врагомъ, подлежащимъ немедленному и самому жестокому распеканію.

Наконецъ, поѣздъ остановился. Иванъ Петровичъ взялъ свой изящный чемоданчикъ (онъ не любилъ тратиться на то, что могъ сдѣлать самъ), надѣлъ пенснѣ и, изобразивъ на лицѣ совершенно такую же значительную мину, какую онъ привыкъ видѣть ежедневно на лицѣ своего генерала, вышелъ на платформу.

Онъ не успѣлъ еще пройти десяти шаговъ, когда за нимъ послышался чей-то голосъ.

— Если не ошибаюсь, Иванъ Петровичъ?

И удивленный Иванъ Петровичъ не успѣлъ обернуться, какъ тотъ же голосъ продолжалъ:

— Им'ю честь представиться: Персюковъ.

Голосъ былъ сладкій, умиленный и въ то же время и рѣшительный. Иванъ Петровичъ увидалъ передъ собою грузную, мужественно-некладную фигуру и квадратное лицо, украшенное носомъ въ самомъ отечественномъ стилѣ — въ видѣ хорошаго картофеля. Толстыя губы складывались въ заискивающую улыбку, а глаза смотрѣли изъ-подъ нависшихъ верхнихъ вѣкъ умно и пытливо.

— Не узнаёте меня? — продолжалъ между тѣмъ Персюковъ, завладѣвъ рукою Ивана Петровича и горячо пожимая ее. — А вѣдь мы съ вами однажды въ Петербурге встрѣтились.

— Извините, пожалуйста, но я положительно не помню...

— Ахъ, какъ же это? Молодой человѣкъ, а память вамъ измѣняеть! Я имѣлъ удовольствіе встрѣтить васъ, если не у Трухачевыхъ, то уже во всякомъ случаѣ у Протопоповыхъ.

Хотя «молодой человѣкъ» порядкомъ покоробилъ Ивана Петровича, но, на всякий случай, онъ счелъ не лишнимъ изобразить на своемъ лицѣ нѣчто въ родѣ пріятнаго изумленія. «Чортъ его знаетъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ встрѣчались».

Натискъ, произведенный на него врагомъ, былъ такъ неожиданъ, такъ не согласовался со всѣми теоретическими правилами веденія войны, что Иванъ Петровичъ былъ быстро сбитъ съ точки. Инициативой дѣйствія и нравственнымъ верхомъ самовольно завладѣль и, надо сознаться, завледѣль довольно грубо предпримчивый Персюковъ.

Долговязый малый въ синемъ казакинѣ со шнурами и лампасами принялъ изъ рукъ Ивана Петровича его багажъ, а черезъ двѣ минуты и самъ Иванъ Петровичъ сидѣлъ рядомъ съ Персюковымъ въ

легкихъ санкахъ, которыя мчала пара великолѣпныхъ сѣрыхъ рысаковъ, покрытыхъ синей сѣткой.

Персюковъ заливался соловьемъ; оказывается, что онъ выѣхалъ на вокзалъ нынче совершенно случайно, «провѣтриться». Онъ очень радъ, что имѣть возможность избавить уважаемаго Ивана Петровича отъ непріятной необходимости мерзнуть на почтовыхъ.

Уважаемый Иванъ Петровичъ больше молчалъ. Его всегда несколько тошило отъ быстрой Ѣзды. Онъ кутался въ поднятый воротникъ пальто и внутренне пилилъ себя. Во-первыхъ, на привѣтствие Персюкова ему слѣдовало отвѣтить какъ можно суше и уже ни подъ какимъ видомъ руки не подавать. Во-вторыхъ, онъ недоумѣвалъ, какимъ образомъ все это такъ быстро случилось, и у него не нашлось ни одного слова, чтобы «осадить» и «обрѣзать». Въ нѣжномъ тонѣ и въ любезныхъ манерахъ Персюкова было что-то до того увѣренное и определенное, что ему сопротивляться было положительно невозможно. Иванъ Петровичъ маxнулъ рукой и передалъ себя мысленно судьбѣ.

Кучеръ сдержалъ великолѣпныхъ рысаковъ передъ домомъ Персюкова. Домъ былъ небольшой, очень скромный, безъ претензіи на шикъ, но, видимо, построенный согласно съ требованіями разумнаго и долговѣчнаго комфорта, какъ строились въ старое, доброе время барскіе дома.

Персюкова внезапно осѣнила счастливая мысль.

— Знаете что, — обратился онъ трогательно-умильнымъ голосомъ къ Ивану Петровичу: — можетъ быть, вы у меня немножко передохнете послѣ дороги?..

— Нѣтъ, нѣтъ, покорнѣйше васъ благодарю, — энергично запротестовалъ Иванъ Петровичъ: — мнѣ никакъ нельзя... у меня тамъ... дѣла разныя.

Это была послѣдняя его попытка заявить свою

самостоятельность. Персюковъ такъ сладко и такъ рѣшительно настаивалъ, что опять пришлось подчиниться. Несмотря на всѣ отказы и извиненія, Иванъ Петровичъ былъ почти снять съ саней и введенъ въ домъ, при чемъ его поддерживали подъ локти: съ одной стороны хозяинъ, а съ другой — долговязый малый въ синемъ казакинѣ, несшій чемоданъ.

— Милости прошу въ мою берлогу, — сказалъ Персюковъ, введя своего гостя въ небольшую, уютную комнату. — Вы на меня не будете въ претензіи, если я васъ на одну минуточку оставлю?

Онъ вышелъ. Оставшись одинъ, Иванъ Петровичъ внимательно оглядѣлъ «берлогу». Комната была обставлена умѣло и со вкусомъ и, какъ видно, съ большими средствами. Дорогая мебель красного дерева, обилие рѣдкихъ растеній, нѣсколько приличныхъ масляныхъ картинъ придавали ей солидный тонъ.

Иванъ Петровичъ теперь начиналъ сознавать, что преувеличенная любезность Персюкова, продолжительное его отсутствіе — словомъ, все клонится къ тому, чтобы окончить дѣло обѣдомъ. Положимъ, онъ могъ этого избѣжать: стоять только взять шапку и уйти. Но разъ уже сдѣланъ цѣлый рядъ ошибокъ — одна лишняя вовсе не имѣеть особенного значенія. Это разсужденіе тѣмъ болѣе успокаивало Ивана Петровича, что онъ начиналъ уже чувствовать порядочный голодъ. Онъ бы, пожалуй, и совсѣмъ успокоился, если бы его не мучилъ трудно разрѣшимый вопросъ: действительно ли прїѣхалъ Персюковъ на вокзалъ случайно, или его кто-нибудь раньше увѣдомилъ?..

Черезъ нѣсколько минутъ показался въ дверяхъ хозяинъ, въ сопровожденіи высокой, пышной брюнетки.

— Позвольте васъ познакомить съ моей женой...

Иванъ Петровичъ поклонился такъ, какъ всегда

кланялся съ дамами: одною головой, не сгибая спины. Этотъ поклонъ выходилъ очень красиво у одного знакомаго ему кавалергарда.

— Минѣ при первомъ же знакомствѣ приходится передъ вами извиниться, — сказалъ онъ съ обычной ему въ этихъ случаяхъ серьезной вѣжливостью. — Я только что съ дороги...

— И вамъ совсѣмъ не въ чемъ извиняться, — возразила она. — По-моему, чѣмъ проще, тѣмъ лучше. Помните только, что вы не въ Петербургѣ, а въ гостепріимной провинціи...

Она засмѣялась. Голосъ у нея былъ грудной, низкий, очень пріятный, а смѣхъ звучный и заразительный, но безъ всякой вульгарности. Перебрасываясь незначительными фразами съ Иваномъ Петровичемъ, она не спускала съ него глазъ, и по этому взгляду, любопытному и привѣтливому, немногого ласкающему, онъ заключилъ, что произведенное имъ впечатлѣніе было самое благопріятное.

Между тѣмъ исчезавшій поминутно Персюковъ опять появился въ комнатѣ и пригласилъ обоихъ къ столу.

— Не обезсудьте за скромную трапезу, — говорилъ онъ, заставляя съ почтительной фамильярностью пройти въ двери первымъ Ивана Петровича, который немного стѣснялся.

Теперь, впрочемъ, Иванъ Петровичъ сопротивлялся совсѣмъ слабо. Скромная трапеза состояла изъ жареныхъ устрицъ, бульона съ какими-то удивительными пирожками, таявшими во рту, холодной осетрины, дичи и замечательной толстой бѣлой спаржи. Столъ былъ сервированъ безукоризненно, и на немъ, несмотря на зимнее время, красовался большой букетъ геліотроповъ, «изъ собственной оранжерейки», какъ пояснилъ потомъ, самодовольно улыбаясь, Персюковъ.

За столомъ прислуживалъ благообразный лакей, не въ нитяныхъ, а въ свѣжихъ замшевыхъ перчаткахъ. Вина подавались тонкія и дорогія, не изъ тѣхъ хересовъ помадеристѣ, которые такъ любить хлѣбосольная и падкая на разноцвѣтные ярлыки провинція, но настоящія, выдержанныя французскія вина. Съ каждымъ глоткомъ душистой влаги Иванъ Петровичъ чувствовалъ, какъ въ груди его таяло справедливое негодованіе и умолкали грубые перуны.

Разговоръ за обѣдомъ весьма естественно вертѣлся около желѣзнодорожныхъ путешествій и приключеній. Это дало возможность Ивану Петровичу рассказать несколько интересныхъ эпизодовъ изъ своей прошлогодней поѣздки за границу. Онъ умѣль разсказывать очень недурно и не безъ юмора, но, какъ всѣ большие себялюбцы, оживлялся только тогда, когда говорилъ о самомъ себѣ.

По тому, какъ его слушали, сказывалась разница между мужемъ и женой. Персюковъ слушалъ разсѣянно: то съ преувеличенымъ вниманіемъ, то совсѣмъ не слушалъ, поглощенный какими-то мыслями. Если Иванъ Петровичъ обращался къ нему лично, то онъ суетливо поддакивалъ, или смѣялся и тотчасъ же добавлялъ:

— А вотъ попробуйте-ка этого лафита. Какъ вы находите, есть букеть?

Валентина Сергеевна не перебивала его ни однимъ словомъ; когда онъ обращалъ голову по ея направленію, она поднимала глаза отъ тарелки и внимательно глядѣла въ его глаза, изрѣдка переводя ихъ на губы, что въ свою очередь тотчасъ же невольно дѣлалъ и Иванъ Петровичъ. Это его смущало, но въ то же время было ему почему-то пріятно. Когда она смѣялась — смѣхъ сначала загорался въ ея глазахъ, а потомъ уже трогалъ губы, что очень шло къ ней и придавало улыбкѣ интимный оттенокъ.

Обѣдъ кончился. Валентина Сергѣевна предложила пить кофе въ другой комнатѣ.

— Вотъ мой любимый уголокъ, — сказала она, показывая на мѣсто около камина.

Каминъ, около которого стояли удобная козетка и два кресла, совсѣмъ былъ отгороженъ отъ всей комнаты: съ одной стороны — піанино, съ другой — широколистными, раскидистыми пальмами и трельяжемъ изъ какого-то выuongася растенія. Въ этотъ уголокъ былъ поданъ кофе, ликеръ и ящикъ съ сигарами.

Иванъ Петровичъ, неподкупная совѣсть котораго уже теперь не заявляла о своемъ существованіи, глубоко усѣлся въ кресло, втянуль полусжатыми губами нѣсколько капель густого, захватывающаго духъ ликера, посмаковалъ его на языкѣ и принялъ медленно, со знаніемъ дѣла, обрѣзывать дорогую сигару.

Зимній вечеръ замѣтно темнѣлъ. Красный свѣтъ камина трепеталъ на полу, на зеркалахъ, на потолкѣ; длинный, причудливый тѣни отъ пальмъ дрожали и перепутывались; вмѣстѣ съ тепломъ сладкая лѣнь охватила тѣло.

Иванъ Петровичъ провелъ сигарой подъ носомъ и вдохнулъ расширенными ноздрями ея ароматный дымъ. Присутствіе красивой женщины, которая съ каждой минутой нравилась ему все больше и больше, вмѣстѣ съ блаженнымъ состояніемъ послѣбѣденнаго покоя, совсѣмъ его размягчили.

— Удивительное дѣло, — сказалъ онъ медленнымъ голосомъ: — ничто такъ не сближаетъ людей, какъ каминъ и полутима. Отчего это?

Персюкова совсѣмъ не было видно въ тѣни между растеніями. При послѣднихъ словахъ онъ нагнулся, чтобы наполнить рюмку Ивана Петровича и поглядеть, мимоходомъ, на его лицо. Взглядъ былъ

внимательный, испытующий, какъ у осторожного доктора, который прописалъ больному новую микстуру и наблюдаетъ за ея дѣйствіемъ. Однако, онъ ничего не сказалъ, опять ушедши въ тѣнъ пальмъ.

— Я думаю, это оттого, — отвѣчалъ самъ себѣ Иванъ Петровичъ, — что у всѣхъ, сидящихъ вмѣстѣ у камина, одно и то же настроеніе. Мирное такое, задумчивое, немного грустное, можетъ быть...

— Домашніе пенаты незримо присутствуютъ, — отозвался откуда-то голосъ Персюкова.

Иванъ Петровичъ повернуль голову и даже прищурился, но изъ свѣта не разглядѣлъ Персюкова, сидѣвшаго въ темнотѣ.

— Можетъ быть, и пенаты, — согласился онъ. — А главное — это обстановка. На дворѣ ни свѣтло, ни темно; по-польски это называется «шара година» — очень удачное выраженіе, по-моему. Въ комнатѣ пахнетъ такъ хорошо (онъ понюхалъ воздухъ), немного духами, немного лакомъ и деревомъ отъ рояля. Тепло, полутьма, и дремлетъ, и вспоминается что-то, и куда-то манить, ждешь чего-то неизвѣстнаго...

Онъ остановился и поглядѣлъ на Валентину Сергеевну. Ему казалось, что она оцѣнитъ его манеру говорить и опять проведетъ по его лицу своимъ ласкающимъ взглядомъ. Но она не шевельнулась, продолжая сидѣть со скрещенными на груди руками и закинутой на спинку козетки головой. Изъ всего ея лица ему видны были только ея роть и подбородокъ.

— Чего-то таинственного, поэтическаго хочется, — продолжалъ Иванъ Петровичъ, неотступно глядя на оживленную часть лица Валентины Сергеевны и думая въ то же время о томъ, что навѣрно этотъ «бестія» Персюковъ слѣдитъ за нимъ самимъ съ такимъ же вниманіемъ изъ своего темнаго угла. — Жаль, что я не знаю хорошихъ стиховъ. Или тоже хорошо бы теперь

слушать длинную чудесную сказку, но только върить ей, какъ, бывало, вѣрилось въ дѣтствѣ.

Онъ замолчалъ. Въ комнатѣ слышалось только слабое хрустѣніе угольевъ.

Персюковъ вдругъ быстро поднялся, тихо отдинулъ свой стулъ и, мягко ступая по ковру, подошелъ къ Ивану Петровичу.

— Вы меня простите, пожалуйста, Иванъ Петровичъ, — сказалъ онъ: — мнѣ сейчасъ нужно сѣѣздить по одному дѣлу.

— Скоро ты пріѣдешь? — лѣниво опросила Валентина Сергѣевна, не оборачивая головы.

— Не знаю, голубчикъ. Черезъ часъ, можетъ быть, черезъ два. Дѣло ужъ очень спѣшное. Ты постараися, чтобы Ивану Петровичу не было скучно... Я не прощаюсь...

Онъ вышелъ на цыпочкакъ, тихо и плотно затворивъ за собою дверь.

Пока не стихли его шаги, ни гость, ни хозяйка не сказали другъ другу ни слова. Ему казалось, что въ этой тишинѣ между ними устанавливается непреодолимая близость.

Она заговорила первая.

— Вотъ вы сейчасъ сказали, что пахнетъ лакомъ, и потомъ — про дѣтство. Скажите, случалось съ вами, что иногда какой-нибудь звукъ или запахъ вдругъ вызоветъ цѣлую картину изъ прошлаго? Особенно ярки воспоминанія, связанныя съ запахомъ. Знаете, когда я слышу запахъ этого самаго свѣжаго лака, мнѣ сейчасъ же представляется такая картина: я еще совсѣмъ, совсѣмъ маленькая, лѣтъ семи или восьми, я стою въ углу, лицомъ къ стѣнѣ. Можетъ быть, я была наказана, не знаю. Стѣна покрашена коричневой краской, густо такъ... и я отдираю эту краску ногтемъ. Солнце въ это время садится; на полу четыреугольныя пятна отъ

оконъ, совсѣмъ багровыя... Откуда-то, неизвѣстно, пахнетъ не то лакомъ, не то яблоками. И вы не можете себѣ представить, какъ вдругъ грустно сдѣлается и хорошо... Точно жаль, что нельзя этого воротить... Съ вами бываетъ что-нибудь подобное?

Она обернула къ нему голову лѣниво-граціознымъ движеніемъ. Глаза ея, только что оторвавшіеся отъ огня, еще не потеряли неопредѣленнаго, мечтательнаго выраженія.

Иванъ Петровичъ только теперь вполнѣ постигъ и оцѣнилъ красоту ея лица: блѣднаго, чувственнаго и чрезвычайно нѣжнаго, съ низкимъ лбомъ и яркими губами...

У Ивана Петровича было тяжелое, грубое и однообразное дѣтство, о которомъ онъ не любилъ никогда вспоминать. Но на вопросъ Валентины Сергеевны онъ отвѣчалъ утвердительно, и такъ живо и радостно, какъ-будто бы она въ немъ возбудила самыя дорогія воспоминанія... Его почти безсознательно тянуло перевести разговоръ на почву неясныхъ мыслей и тонкихъ ощущеній.

Опять, такъ же, какъ и за обѣдомъ, ихъ глаза встрѣтились. Она закусила нижнюю губу; Ивану Петровичу опять стало неловко и пріятно.

— Зачѣмъ вы глядите такъ долго? — сказала вдругъ Валентина Сергеевна шепотомъ.

Но сама она глязъ не отвела; наоборотъ, въ нихъ загорѣлся вызывающій, дерзкій смѣхъ.

И, внезапно разсмѣявшись громко, она поставила свою ладонь между его и своими глазами и такъ близко къ его лицу, что онъ ощутилъ ея душистую теплоту. Его сердце сжалось и дрогнуло. Онъ хотѣлъ поцѣловать эту теплую ладонь, но не рѣшился; когда же она отняла руку, онъ досадовалъ на себя, зачѣмъ этого не сделалъ.

Каминъ начиналъ потухать. Красный полумракъ становился гуще. Съ каждой минутой дѣлалось все болѣе жутко и пріятно. Теперь нужно было или окончить эту неловкость, или совершенно отдаться минутѣ и случаю.

— А я не ожидалъ, что вы слыхали мои слова, — сказалъ Иванъ Петровичъ, чтобы только нарушить напряженное молчаніе. — Мнѣ показалось — вы, глядя на огонь, совсѣмъ ушли въ себя.

Она перевела глаза на огонь, и лицо ея опять стало мечтательнымъ.

— О, нѣть, я васъ внимательно слушала... Вы чуть-чуть не выразили одной моей любимой мысли... Только не досказали...

— Хотите, я теперь доскажу?

— Нѣть, вы не угадаете... Это трудно. Ну, хорошо, говорите.

— Вы задумались надъ моими словами, что иногда хочется чего-то неизвѣстнаго... непохожаго на повседневную прозу, что бы шло, можетъ быть, въ разрѣзъ... въ разрѣзъ... ну, хоть даже съ общественной моралью...

— А дальше?..

— Дальше? А вы мнѣ скажите раньше, угадалъ я?

— Не совсѣмъ... Впрочемъ, я все равно теперь своей мысли не скажу... Все-таки, чтѣ же дальше? Ахъ, нѣть, нѣтъ, подождите, у меня на этотъ счетъ есть своя цѣлая философія... Только я боюсь, что вамъ будетъ неинтересно...

Ему было настолько интересно, что онъ всталъ съ кресла и сѣлъ рядомъ съ ней на козетку.

— Видите ли... — начала Валентина Сергѣевна быстро и немного волнуясь. — Но я боюсь за свой языкъ, совсѣмъ не умѣю имъ владѣть... Видите ли: вѣдь никому неизвестно, чтѣ было съ человѣкомъ до его рожденія... Я

вотъ закрываю глаза и стараюсь припомнить, что было раньше. И ничего, ничего нѣтъ, кромѣ вѣчной темноты. Я ничего не вижу, не слышу, не чувствую, не думаю. И вдругъ, откуда-то, точно полоса свѣта, жизнь. Я живу, понимаю, могу говорить, двигаться. Но вѣдь это все только на мгновеніе. Наступить старость, потомъ смерть... А потомъ? Опять та же неизвестность, опять, стало-быть, тотъ же холодъ, то же ужасное «ничто». Для чего же это мгновеніе свѣта? Кто мнѣ растолкуетъ его смыслъ? Чѣмъ это? Случай? Ошибка чья-то? Недодуманность? Вѣдь не могу же я думать, что кто-нибудь подшутилъ надъ всѣмъ человѣчествомъ? Я читаю и слышу постоянно, что всѣ мы, люди, одарены разумомъ и волей, и это насъ связываетъ въ братскую семью. Ахъ! Ничего этого я не вижу и не хочу признавать! Я вижу толпу, безсмысленную, раздавленную страхомъ смерти, толпу, которая судорожно цѣпляется за этотъ кусочекъ жизни и свѣта... Мнѣ самой становится страшно и противно!

Она замолчала и нагнула низко голову, приглядываясь къ огню.

Иванъ Петровичъ слѣдилъ за ея словами и движеніями, точно наэлектризованный. Онъ видѣлъ, какъ высоко поднималась ея волнующаяся грудь, видѣлъ, какъ посреди полутишины сверкало красное отраженіе огня въ ея широко раскрытыхъ глазахъ, какъ трепетали и раздувались ея тонкія розовыя отъ камина ноздри... Онъ замѣтилъ, какъ мягкая складки платья определяли форму всей ея стройной, крѣпкой ноги. Теперь въ этой душной и теплой атмосферѣ, пахнущей мускусомъ, вино, выпитое Иваномъ Петровичемъ за обѣдомъ, сразу кинулось ему въ голову.

Онъ замѣтилъ, что ея рука, слабо болѣвшая въ темноте, небрежно лежала на козеткѣ. Почти безсознательно, робѣя и волнуясь, онъ положилъ свою

руку рядомъ такъ, что ихъ мизинцы соприкоснулись.

«Замѣтила она или нѣтъ? Если отниметъ руку, я извинюсь», — думалъ Иванъ Петровичъ.

— Продолжайте, продолжайте, пожалуйста, — сказалъ онъ вслухъ: — вы меня очень заинтересовали.

— Если такъ ужасна смерть, — продолжала Валентина Сергеевна: — и такъ страшно-коротка жизнь, зачѣмъ же я ее буду дѣлать скучной и безрадостной? Я хочу веселья и смѣха, — мнѣ угрожаютъ общественнымъ мнѣніемъ; я хочу наслажденія, — мнѣ говорятъ про долгъ и про обязанности! Да для чего же все это? Кому нужна моя исполнительность передъ этимъ самымъ долгомъ? Ну, представьте себѣ, что я иду куда-нибудь далеко пѣшкомъ и несу за спиной тяжелый мѣшокъ съ драгоцѣнностями. По дорогѣ я навѣрно узнаю, что у меня мой мѣшокъ завтра же отнимутъ. Ну, развѣ я не благоразумно поступлю, если я сброшу съ плечь эту обузу, продамъ ее, расшвыряю деньги на вѣтеръ и хоть день, хоть часъ буду счастлива какъ хочу?

Иванъ Петровичъ жадно ловилъ ея слова, переводя ихъ тотчасъ же языккомъ разговаривавшей въ немъ страсти. Онъ уже не сомнѣвался, что аллегорія о мѣшкѣ заключала въ себѣ нѣкоторымъ образомъ «разрѣшеніе на свободу дальнѣйшихъ дѣйствій». Удивительною казалась лишь головоломная быстрота, съ которой приближалась развязка. «Что это? Капризъ избалованной женщины? Мгновенная вспышка долго, можетъ быть, сдержанного желанія?» — размышлялъ онъ, между тѣмъ какъ все его тѣло охватывала и сладко сжимала сердце тянувшая истома, знакомая ему истома, похожая на страхъ и на ожиданіе. «Или это явленіе психоза, болѣзненнаго разстройства нервовъ? Или — одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда женщины изъ минутной вспышки гнѣва и ревности дѣлаютъ то, въ чемъ потомъ

каются въ продолженіе всей жизни?»

Иванъ Петровичъ все сильнѣе прижималъ ея мизинецъ; она руки не убирала.

— Значить... значить, вы вѣрите только въ наслажденіе? — спросилъ онъ тихо, совсѣмъ замирающимъ голосомъ.

Темнота сдѣлала его смѣлымъ и безумнымъ. Онъ взялъ рѣшительнымъ движениемъ ея маленькую, нѣжную и сильную руку и крѣпко сжалъ въ своей рукѣ. Она вздрогнула всѣмъ тѣломъ и сдѣлала движение, чтобы вырвать руку — онъ пожалъ ее вторично.

Тогда внезапно она вся обернулась къ нему и, отвѣчая порывистымъ пожатиемъ, прошептала:

— Да, да, въ одно наслажденіе...

Иванъ Петровичъ также въ свою очередь повторить это слово, но врядъ ли теперь и онъ и она понимали, что говорили. Слова теряли свой смыслъ, оставались только звуки, произносимые страстнымъ, волнующимся шопотомъ.

— А если вамъ мѣшаютъ препятствія?

— Я ихъ не знаю.

— Безъ нихъ нельзя. Ну, скажите, напримѣръ, что бы вы сдѣлали, если бы вамъ кто-нибудь сильно понравился?

— Я заранѣе не могу сказать. Вѣроятно, поступила бы такъ, какъ велитъ сердце.

— Но вы замужемъ.

Она нѣсколько секундъ помолчала, и, когда заговорила, ея голосъ звучалъ глухо.

— Вѣдь, мы окружены такою непроницаемою сѣтью выдуманныхъ условій, что изъ нихъ выбраться нѣтъ силъ. И зачѣмъ обѣ этомъ говорить? Зачѣмъ сопротивляться тому, что манитъ? Помните, у кого это?

«Ахъ, люби меня безъ размышеній,
Безъ тоски, безъ думы роковой,
Безъ упрековъ, безъ пустыхъ сомнѣній!»

— Дальше, дальше, — продалъ Иванъ Петровичъ, когда она сразу замолчала, точно спохватившись: — ради Бога, продолжайте.

Она вздохнула такъ глубоко и прерывисто, какъ-будто ей не хватало воздуха, и кончила еле слышно, но выразительно оттѣня слова:

— «Что здѣсь думать? Я твоя, ты — мой.
Все забудь, все брось, весь мнѣ отдайся!
На меня такъ грустно но гляди!
Разгадать, что въ сердцѣ, не пытайся!
Весь ему отдайся иди!»

Ея глазъ ему не было видно; онъ хотѣлъ разсмотреть ихъ выраженіе. Но когда онъ совсѣмъ близко нагнулся къ ней, ароматъ ея тѣла и духовъ опьянилъ его. Не помня себя, онъ обвилъ руками ея станъ; сѣпивъ пальцы съ пальцами, притянулъ къ себѣ ея тѣло и сталъ цѣловать ея губы, глаза, шею...

Валентина Сергѣевна въ ту же секунду очнулась...

— Оставьте меня, пустите, — воскликнула она сердито и, какъ видно, съ намѣреніемъ громко. — Вы сошли съ ума!

Ивана Петровича не испугали бы гнѣвныя слова. Онъ, какъ большинство мужчинъ, инстинктивно держался того мнѣнія, что сопротивленіе дѣлаетъ сладче тріумфъ побѣдителя, и кромѣ того былъ слишкомъ взволнованъ для беспрекословнаго послушанія. Но перемѣна, происшедшая въ Валентинѣ Сергѣевнѣ за какія-нибудь двѣ секунды, просто ошеломила его. Съ лица сбѣжало выраженіе нѣги, оно стало, сразу

холоднымъ и нѣсколько грубымъ; голосъ, вмѣсто лѣнивыхъ бархатныхъ нотъ, зазвучалъ холодно и крикливо... Онъ невольно опустилъ руки.

Валентина Сергеевна тотчасъ же встала, подошла къ двери и, пріотворивъ ее, крикнула:

— Маша! — Подайте огня!

Иванъ Петровичъ раздраженно пересѣлъ на свое кресло, поправляя распустившіеся волосы. Ему вдругъ припомнился весь сегодняшній позорный день, и жгучая краска стыда прилила къ его щекамъ.

«Околпачили, околпачили!» — твердилъ ему какой-то внутренній, злорадный голосъ, и Иванъ Петровичъ молчалъ, какъ убитый, не поворачивая головы, хотя и чувствовалъ на себѣ вопросительный взглядъ Валентины Сергеевны.

Горничная внесла лампу, поставила ее на столъ и вышла, скользнувъ любопытно-лукавымъ взглядомъ по обоимъ собесѣдникамъ.

Валентина Сергеевна, заслоняясь рукой отъ свѣта, рѣзавшаго глаза, упорно глядѣла на Ивана Петровича, такъ что онъ невольно поднялъ голову. Ея лицо выражало тревогу. Онъ понялъ ея мысли, и напряженная, злая улыбка искривила его губы.

Она нерѣшительно подошла къ нему и дотронулась до его волосъ.

— Зачѣмъ вы сердитесь, если сами виноваты?
Ну, а если бы кто-нибудь вошелъ?

Она хотѣла загладить свою, можетъ быть, невольную жестокость.

Чувство стыда возрастило въ несчастномъ Иванѣ Петровичѣ, принимая невыносимые размѣры. Онъ дорого далъ бы теперь за возможность быть какъ можно дальше отъ этой кокетливой комнаты и отъ этой красивой женщины, казавшейся ему пять минутъ назадъ такой очаровательной.

Наконецъ, онъ не выдержалъ.

— Скажите, пожалуйста, скоро вашъ супругъ вернется? — спросилъ онъ грубо и не глядя на нее.

— Не знаю, — отвѣчала она удивленнымъ и обиженнымъ тономъ: — можно послать за нимъ, если хотите.

Видѣть въ настоящую минуту Персюкова было бы для Ивана Петровича еще горшай мукой. Онъ уже давно въ умѣ рѣшилъ плунуть на всю эту дурацкую ревизію, гдѣ онъ держалъ себя такимъ подлымъ образомъ. Нужно было только выдумать приличный предлогъ, чтобы ретироваться.

Предлогъ, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, не выискивался, и Иванъ Петровичъ пошелъ напроломъ.

— Простите меня, — сказалъ онъ, вставая и глядя въ землю, — и извинитесь за меня передъ вашимъ мужемъ... Къ сожалѣнію, я не могу больше ожидать... Мнѣ нужно тутъ... я долженъ еще поспѣть въ одно мѣсто.

Она его не удерживала, молча протянувъ ему руку. Она начинала понимать и отчасти переживать его состояніе.

Онъ взялъ свою шляпу, дошелъ до дверей, но внезапно остановился, подумалъ секунду или двѣ и вдругъ быстро подошелъ къ ней.

— Вотъ еще что, Валентина Сергеевна, — произнесъ онъ дѣланно-суроымъ голосомъ: — передайте отъ меня вашему мужу, чтобы онъ осторожнѣе обращался съ переходящими суммами. На него анонимные доносы пишутъ!

Этимъ предупрежденіемъ Иванъ Петровичъ окончательно подписалъ свой позорь. Эффектный случай былъ безвозвратно потерянъ.

Онъ стоялъ и кусалъ молча свои розовые

выхоленные ногти; его терзали неловкость и бѣшенство. Ему хотелось плакать, хотѣлось надавать себѣ пощечинъ, хотѣлось до конца испить всю горечь стыда и сладость самобичеванія.

— Скажите еще вашему мужу, прекрасная Клеопатра, — воскликнулъ онъ голосомъ, въ которомъ дрожали побѣда и сдержанныя рыданія: — пусть онъ ежедневно благодаритъ Создателя за то, что напалъ на такого пижона, какъ я; иначе ему пришлось бы очень плохо... Мне поручено было произвести негласную ревизію... Какъ видите, я блестящимъ образомъ выполнилъ возложенное на меня порученіе... Имѣю честь кланяться... Вы не думайте, что я могу вамъ быть вреднымъ... Если хотите, я въ вашихъ рукахъ оставлю противъ себя письменный документъ...

Съ этими словами, едва сдерживая нервныя слезы, которыя жгли ему горло, онъ кинулъ на столъ анонимное письмо и, не прощаюсь, надѣвъ въ комнатѣ шляпу, бѣгомъ выбѣжалъ въ переднюю.

Едва за нимъ затворились двери, какъ изъ другой комнаты показался Персюковъ. Его квадратное лицо сияло самой невинной радостью. Онъ никуда и не думалъ уѣзжать и прекрасно слышалъ все происходившее.

Онъ подкрался неслышными шагами къ своей женѣ, занятой чтенiemъ письма, осторожно обвилъ ее рукою за шею (отчего она слабо вскрикнула), отогнулъ ея голову назадъ и медленно, съ чувствомъ, запечатлѣль долгій, благодарный поцѣлуй на ея яркихъ губахъ.

Эти нѣжные супруги давно уже привыкли понимать другъ друга безъ лишнихъ словъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Издание данной книги осуществляется при поддержкѣ Благотворительного фонда возстановленія церкви Святой Живоначальной Троицы съ часовней въ Язвищахъ (<http://xram-v-yazvichax.ru>), занимающагося реставраціей храма, расположеннаго въ селѣ Язвищи Боровёнковскаго сельскаго поселенія Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языке является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименование.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книжкѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка... Смѣнялись поколѣнія... Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немнogo, т.к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроенъ каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чутъ менѣе трёхъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разъѣхались въ города... Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ умерли еще десятки подобныхъ

сёль и деревень.

Сейчас въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человѣкъ, о чёмъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвицахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоитъ – поруганный, осквернённый, но величественный – иждѣтъ...

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположеній, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставраціи храма. И затѣмъ все вернётся, т.к. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временные полы, закрыли плёнкой окна. Ввиду того что зданіе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкѣ научно-проектной документациі.

Если Вы имѣете возможность помочь намъ въ дѣлѣ возстановленія храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованіе на реквизиты нашего фонда:

Расчётный счѣтъ получателя: 40703810655100000343
въ Сѣверо-Западномъ банкѣ ПАО «Сбербанкъ Россіи»,

Санктъ-Петербургъ.

ИНН получателя: 7816290748.

Получатель: Фондъ возстановленія церкви Святой
Троицы въ Язвицахъ.

Счѣтъ Банка получателя: 30101810500000000653.
БИК Банка получателя: 044030653.

Назначеніе платежа: Благотворительное пожертвование.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону (921)33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ Васъ за поддержку, Друзья!

Поддержать насъ можно черезъ мобильное приложение вашего банка воспользовавшись QR-кодомъ (достаточно указать Ф.И.О. и сумму пожертвованія). Въ этомъ случаѣ средства поступятъ на расчетный счетъ.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

КНИГИ ВЪ ДОРЕФОРМЕННОЙ ОРӨОГРАФИИ

Представляемъ вамъ книги классиковъ русской литературы, исполненные въ авторской (дореформенной) орографіи. Изданія являются хорошимъ подаркомъ для цѣнителей русского языка.

Доступны на [ozon.ru](#)

Приобрѣти книги вы можете перейдя по адресу: <https://pravopisanie.xgram-v-yazyicakh.ru>, а также въ Интернетъ-магазинъ **OZON**.

A QR code located on the right side of the advertisement, which likely links to the website where the books can be purchased.

Человѣка, доброхотно дающаго, любить Богъ, и недостатокъ дѣлъ его восполнить

[Книга Притчей Соломоновыхъ 22:8]